УДК 81-11; 8 (091)

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-44-49

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ НАУКИ: ГЕРМАН ГЮНТЕР ГРАССМАН (ЗАВЕТ Н. А. КОНДРАШОВА: ПРОДОЛЖАТЬ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Базылев В. Н.*Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, Российская Федерация*

Аннотация. Статья написана в жанре «портреты языковедов» и продолжает традиции историографии, заложенные Н. А. Кондрашовым. Представляется личность и творчество филолога Германа Гюнтера Грассмана и три сферы приложения его научного потенциала: компаративистика, акустика и лексикография. Особое внимание уделяется его словарной работе „Wörterbuch zum Rigveda“ в свете влияния на его работу достижений российского филолога О. Н. Бётлингк и его словаря „Sanskrit-Wörterbuch“.

Ключевые слова: история языкознания, лингвистические традиции, компаративистика, лексикография, акустика, Н. А. Кондрашов, Г. Грассман, О. Бётлингк

PERSONALITY IN THE HISTORY OF SCIENCE: HERMANN GÜNTHER GRASSMANN (N. A. KONDRASHOV'S TESTAMENT – TO CONTINUE HISTORIOGRAPHICAL RESEARCH)

V. Bazylev*Moscow State Linguistic University
38 ulitsa Ostozhenka, Moscow 119034, Russian Federation*

Abstract. The article is written in the genre of “portraits of linguists” and continues the traditions of historiography laid down by N. Kondrashov. The author presents the personality and work of philologist Hermann Günther Grassmann and three areas of application of his scientific potential: comparative studies, acoustics, and lexicography. Special attention is paid to his dictionary work – „Wörterbuch zum Rigveda“ in light of the influence on his work of the achievements of the Russian philologist O. Böhtlingk; and his dictionary „Sanskrit-Wörterbuch“.

Keywords: history of linguistics, linguistic traditions, comparative studies, lexicography, acoustics, N. Kondrashov, G. Grassman, O. Böhtlingk

Историография лингвистики – как много говорит это любому филологу. Но сегодня одновременно – очень мало. Историографические исследования уходят на периферию научных интересов современной лингвистики. Очевидно, как мы об этом писали, они кажутся современным филологам либо «неподъёмными», либо малозначимыми. Может быть потому, что требуют солидного бэкграунда, который не всегда формируется у исследователя

при нынешней системе его профессиональной подготовки [2, с. 47].

Поэтому так важны напоминания об актуальности любых историографических изысканий. А ещё совсем недавно это не вызывало сомнений у целого поколения советских филологов, к славной плеяде которых принадлежал Н. А. Кондрашов.

Именно это отметил О. В. Никитин в исследовании жизни и творчества Н. А. Кондрашова: «Интерес к лингви-

стической историографии не угасал у Н. А. Кондрашова на протяжении всей его жизни. Ему принадлежали десятки статей и обзоров, посвящённых интересным, ярким, часто забытым и не оценённым по достоинству личностям – А. Х. Востокову, К. С. Аксакову, Н. В. Крушевскому, Н. С. Трубецкому... В 1960-е гг. учёный много занимался пропагандой мирового лингвистического наследия» [5, с. 85–86].

Историография лингвистики, как мы об этом неоднократно писали, традиционно противопоставляется истории языкознания, то есть описанию процесса развития знаний о языке. Сама историография трактуется как направление исследований, посвящённых теоретическому осмыслению этого развития, анализу теорий и концепций генезиса лингвистической мысли в её отдельных аспектах, традициях, течениях, направлениях, разделах и школах, вплоть до отдельно взятой личности учёного. К этому общему пониманию историографии лингвистики я бы добавил следующее: под историографией лингвистики следует понимать также сознательное выстраивание причинно-следственной цепи событий и лакун между ними в завершённую картину научной мысли.

Со времени выхода в свет монографии Т. Куна стало общим местом: появление новых парадигм научного знания приводит в лингвистике к тому, что многие традиционные для этой науки проблемы предстают в новом свете, и, конечно, в их решении намечаются существенные изменения; не говоря о том, что каждая парадигма знания приносит с собой и новые проблемы и даже порождает «новые реальности» языка. В этой связи представляется целесообразным исследовать не только то новое, что было привнесено существующими сегодня парадигмами знания в анализ вполне определённых проблем, но и то, от чего, собственно, отталкивался подобный анализ, и то, что входило в т. н. предпосылочное знание.

В лингвистической литературе нередко указания на то, что те или иные важные принципы уже были сформулированы

кем-то и когда-то, вплоть до напоминающих высказываний мыслителей глубокого прошлого. Но это лишь фрагменты знания, которые никогда не образуют новой системы. Это могут быть «пророчества», которые не следует приравнять к тщательной обработке эмпирических данных, приводящих к обнаружению неизвестных ранее свойств языка. Самое интересное во всём этом то, как и из каких фрагментов и «пророчеств» складывается новое знание.

Историографическое исследование – это не просто констатация присутствия тех или иных элементов в научных текстах о языке, а определение их онтологического статуса. Поэтому актуально не только выявление черт сходства и различия в текстах разных языковедов, сколько исследование текста о языке через понятие развития на основе существующих традиций и вживания текста в историко-культурный диалог. Схематично взаимодействие подобных текстов в историко-культурном диалоге может быть описано следующим образом: взаимосвязь на уровне события, создание научного текста, взаимосвязь на уровне стиля (взаимосвязь средств выражения – прецедентность (Ю. Н. Караулов), логоэпистемичность (В. Г. Костомаров), непосредственные текстовые параллели (взаимопроникновение текстов). Дело в том, что научный текст, как любой другой, продолжает некоторые традиции, развивает заложенные в него возможности, не реализованные в момент его первичного восприятия. Научные тексты, особенно лингвистические, содержат большое количество избыточных фрагментов, которыми сам автор нередко пренебрегает, но которые со временем обнаруживают скрытые в них энергию и жизнеспособность. Любой научный текст обладает тем, что М. Н. Липовецкий так удачно назвал «памятью жанра» [1, с. 36–37].

На фоне сказанного внимания, на наш взгляд, заслуживает редко упоминаемая в среде отечественных филологов личность Германа Гюнтера Грассмана (нем. Hermann Günther Grassmann, 1809–1877). Он хорошо знаком в России, преимущественно ма-

тематикам и физикам, практически оставаясь неизвестным для филологов [3; 4].

Три сферы приложения научного потенциала Г. Грассмана могут нас сегодня интересовать: компаративистика, акустика и лексикография. С т. н. законом Грассмана отечественная компаративистика в той или иной степени знакома. Менее востребованными остаются пока его идеи, связанные с акустическими исследованиями. Отдельного внимания требует до сих пор его лексикографическая практика – „Wörterbuch zum Rigveda“ (Leipzig, 1873–1875; 8. Aufl. Wiesbaden 1996). Особенно в свете того, что при подготовке своего словаря Г. Грассман опирался на достижения российского филолога О. Н. Бётлингга и его „Sanskrit-Wörterbuch“. Незаслуженно забыты работы Г. Грассмана по искусственным языкам.

Появление новых идей Г. Грассмана в европейской компаративистике XIX в. было связано с рефлексией исключений из закона Раска-Гримма. Например, непонятными представителями старшего поколения нарушения закономерных соответствий: греч. π, τ, κ – др.-инд. p, t, k; греч. φ, θ, χ – др.-инд. bh, dh, gh; греч. β, δ, γ – др.-инд. b, d, g. Или же убеждение многих современников в том, что санскрит – это древнейший индоевропейский язык. Конечно, не все во времена Грассмана верили в это. Присутствовала альтернативная точка зрения, рядополагающая санскрит с другими и.-е. «диалектами»: эллинским, латинским, армянским, германским, славянским, кельтским и др.

В 1863 Г. Грассман, как итог своих компаративистских штудий, постулировал, что в древнегреческом и древнеиндийском языках два соседних слога не могли начинаться на придыхательные: если второй слог начинался на придыхательные (греч. φ, θ, χ, др.-инд. bh, dh, gh), предшествующий слог терял придыхание (греческие глухие придыхательные φ, θ, χ заменялись на простые глухие π, τ, κ, а соответствующие им древнеиндийские звонкие придыхательные bh, dh, gh заменялись на простые звонкие b, d, g), например от индоевропейского корня

*bheudh ‘будить’ (→ греч. *φευθ-, др.-инд. *bhodh-) → греч. πεύθεται, др.-инд. bódhate.

Сегодня мы понимаем, что Г. Грассман, будучи гениальным математиком, одним из первых сумел перенести уликовую парадигму на материал языка. Именно это позволило ему правильно объяснить комбинаторные изменения. Напомним, что уликовая парадигма, связанная в научном мире Европы той эпохи с именами Дж. Манчини («проблема датировки»), Л. Аллаччи («проблема распознавания») и Ж. Мабийона (палеография в целом), позволила разным отраслям научного знания интегрировать морфологический анализ в рамки исторической реконструкции, сделать изучение чисто формального сходства далеко отстоящих друг от друга феноменов средством выявления глубоко скрытых исторических взаимосвязей, остающихся иначе недоступными, реконструировать посредством установления чисто формальных соответствий исторические феномены, иначе не поддающиеся опознанию. Не последнюю роль в освоении названной парадигмы, предположительно, могло сыграть знакомство с идеей «систематический сбор мелких распознаваний», как их называл И. Винкельман в письме от 30 апреля 1763 г. к Дж. Л. Бьянкони из Рима, и который составил к концу XVIII–началу XIX вв. питательную почву для новой формулировки старинных комплексов знания, в т. ч. филологических [9, s. 316].

Будем справедливы. Говоря о взаимодействии на уровне событий в науке и текстовых параллелях, упомянем тот факт, что на четверть века раньше Рудольф Раумер (1815–1876), также интересовавшийся определением фонетического характера звуков в законе Раска-Гримма, писал в 1837 г.: «Так как в санскрите никогда не встречаются два слога, начинающихся с придыхательных, то первоначальная форма *budh* может трактоваться как *b'ud'*. В этом случае в форме *biudan* мы имеем обычный переход *b'* в *b'*» [цит. 8, p. 74]¹. Идея эта, однако, не была отмечена в то

¹ Перевод наш. – В. Б.

время, возможно, потому что, в отличие от Грассмана, Раумер не проработал все соответствующие примеры, чтобы дать компаративистам законченное представление о фонетическом характере этого феномена.

Если говорить о вкладе Грассмана в акустику речи, то он успешно продолжал те исследования, которые были начаты ещё в конце XVIII в., когда было установлено, что физически речь состоит из источника звука и воздушного пространства голосового тракта, служащего резонатором. Впрочем, это было известно из теории и музыкальной практики, в которой духовые инструменты достигали своего отличительного звучания таким же образом: в горне источником звука является вибрация, вызванная в поджатых губах горниста (воздухом, проходящим через них), а длинная металлическая трубка образует резонатор. В горне различные резонансные частоты или ноты достигаются путём изменения характеристик трубки серией клапанов. В музыке существовала давняя традиция обозначать ноты стандартизированным способом, откалиброванными камертонами. Это, однако, не было также легко применимо к звукам речи. На рубеже XVIII–XIX вв. предпринимались неоднократно попытки создания механических устройств, способных имитировать звуки речи. Нет никаких сомнений в том, что эти устройства могли успешно имитировать звуки речи, но они не давали основания для создания теории, которая могла бы ответить на вопрос об акустической структуре звука. В 1830 г. Роберт Уиллис опубликовал отчёт об исследовании, в котором, помимо прочего, описал цилиндрическую телескопическую трубку, соединённую с источником вибрации, длина которой могла изменяться. Он утверждал, что может производить всё разнообразие гласных звуков, просто изменяя длину резонирующей трубки. Примечательно, по его словам, было то, что путём постепенного удлинения трубки можно было услышать гласный ряд *i e a o u*, а затем, удлинив её ещё больше, можно было слышать тот же ряд в обратном порядке. Таков приблизи-

тельно был уровень знания, когда Грассман в 1854 г. публикует свою работу „Übersicht der Akustik und der niedern Optik“. Наиболее впечатляющим аспектом его исследования стало то, что он указал на большое количество гармоник и на смещение формы голосового тракта при акцентуации различных гармоник, т. е. на избирательное резонирование. Сегодня мы понимаем это как технику, используемую в так называемом горловом пении, иначе, правильнее сказать, гармоническом пении или обертоном пении, которое хорошо известно, например, из тувинской культуры. В своём открытии множественных резонансов для гласных Грассман предвосхитил то же открытие Гельмгольца на 9 лет. Гельмгольц в 1863., конечно, сделал своё открытие, используя то, что мы сейчас называем «резонаторами Гельмгольца», сферы различных размеров, каждая из которых настроена в основном на одну акустическую частоту.

Обращаясь к лексикографической практике Грассмана, ещё раз обратим внимание на взаимодействие научных текстов в историко-культурном диалоге. Да, Грассман известен как переводчик «Ригведы» на немецкий язык и как составитель „Wörterbuch zum Rigveda“, опубликованного в 1873–1875 гг. Как напишет Грассман в предисловии к словарю, его список слов (т. е. словник) был взят из большого Петербургского словаря Отто Бётлингга и Рудольфа Рота и из глоссария Теодора Бенфея „Die Hymnen des Sama-Veda“ 1848 г. Текстовая версия Ригведы, на которой был основан его словарь, была транскрипцией Теодора Ауфрехта с исправлениями Макса Мюллера. И, насколько нам известно, Грассман не имел в своём распоряжении полного перевода Ригведы. Напомним также, что главным творением российского индолога и санскритолога Оттона Николаевича Бётлингга (1815–1904) стал именно семитомный санскритский словарь „Sanskrit-Wörterbuch“ 1853–1875 гг.

Разумеется, как мы отметили выше, сегодня актуально не только и не столько выявление черт сходства и различия в тек-

стах разных языковедов, в нашем случае Грассмана и Бётлингга, сколько исследование текста о языке через понятие развития на основе существующих традиций и вживания текста в историко-культурный диалог. Благодатный материал для этого даёт, с нашей точки зрения, соположение двух словарей. Обратимся в качестве иллюстрации сказанного к одной словарной статье.

Грассман, например, предлагает в словарной статье проиллюстрировать словообразование, отталкиваясь от значения. Для прилагательного *karambhin*, деривата с суффиксом *-in* со значением 'Versehenseins mit', Грассман предлагает значение 'mit Grütze versehen' со ссылкой на жертвенный напиток Индры¹. Бётлингк же предлагает значение 'von Grütze begleitet'.²

Другим примером может служить прилагательное *kumārīn*, производное от существительного *kumārā* 'Kind, Knabe, Jüngling, Sohn', которому Грассман подбирает эквивалент 'mit Kindern versehen', в то время как Бётлингк предлагает 'mit Mädchen versehen'. В отличие от Бётлингга он также принимает значение 'Erde, Erdboden' для женского *kṣā*, а не только 'Wohnstatte'.² То есть Грассман в основном нацелен на

представление в словарной статье эквивалента, значение которого он извлекает из контекста, из отдельных компонентов словосочетаний. В отличие от Бётлингга, ориентирующегося на формальные приёмы этимологизирования.

Подводя итог, ещё раз хочется указать на актуальность историографических исследований. На примере личности Г. Грассмана прекрасно видно, что его работы до сих пор имеют значение не только для истории науки о языке. Сформулированный им в 1863 г. закон диссимилиации придыхательных в древнегреческом и древнеиндийском языках работает в компаративистике до сих пор [6, с. 412]. Значение его лексикографической практики не подвергается сомнению: вплоть до 1996 г. вышло восемь изданий его „Wörterbuch zum Rigveda“. В 1999 г. вышло первое индийское издание, перепечатка пятого издания, опубликованно в Дели. Оценка Грассмана как филолога, прозвучавшая из уст А. Вебера в 1880 г., по-прежнему точна: „Sein Wörterbuch zum Rig-Veda gehört zu den household-works der Veda-Forscher“³[цит. по: 7, s. 310].

Статья поступила в редакцию 29.10.2019 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылев В. Н. Историография: её место в структуре современных лингвистических исследований // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: межвузовский сборник научных трудов. Бийск: Бийский ГПУ имени В. М. Шукшина, 2008. С. 34–40.
2. Базылев В. Н. Почему трудно стать лингвистом-теоретиком // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. № 1. С. 43–49.
3. Бирюков Б. В., Бирюкова Л. Г. Алгоритмические проблемы XX в. и становление аксиоматики фундаментальных алгебраических структур: вклад Германа и Роберта Грассманов. М.: Наука, 1988. 170 с.
4. Грассман Г., Грассман Р. Логика и философия математики. Памятники философской мысли. М.: Наука, 2008. 504 с.
5. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. Т. 80. №5. С. 81–89.
6. Старостин Г. С. К истокам языкового разнообразия. Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании. М.: Издательский дом «Дело», 2015. 584 с.
7. Engel F. Grassmanns Leben. Nebst einem Verzeichnisse der von Grassmann veröffentlichten Schriften und einer Übersicht des handschriftlichen Nachlasses. Stettin: Saunier, 1911. 274 s.
8. Lehman W. P. A Reader in nineteenth-century historical Indo-European Linguistics. London: Indiana University Press, 1967. 480 p.
9. Winckelmann J. J. Briefe. Berlin: Diepolder & Rehm, 1954. 520 s.

¹ См.: Karambhin // Grassmann G. Wörterbuch zum Rigveda. Wiesbaden: Harrassowitz, 1996. S. 315.

² См.: Karambhin // Бётлингк О. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. Bd. III. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1889. С. 112.

³ «Его словарь – это настольная книга любого индолога» (перевод мой. – В. Б.).

REFERENCES

1. Bazylev V. N. [Historiography: its place in the structure of modern linguistic studies]. In: *Obshcheteoreticheskie i tipologicheskie problemy yazykoznaniiya: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [General theoretical and typological problems of linguistics: inter-university collection of scientific papers]. Biysk, Biysk State Pedagogical University named after V. M. Shukshin Publ., 2008, pp. 34–40.
2. Bazylev V. N. [Why is it difficult to become an Academician in Linguistics]. In: *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 2017, no. 1, pp. 43–49.
3. Biryukov B. V., Biryukova L. G. *Algoritmicheskie problemy XX v. i stanovlenie aksiomatiki fundamental'nykh algebraicheskikh struktur: vklad Germana i Roberta Grassmanov* [Algorithmic problems of the 20th century, and the formation of the axiomatics of fundamental algebraic structures: the contribution of Herman and Robert Grassman]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 170 p.
4. Grassman G., Grassman R. *Logika i filosofiya matematiki. Pamyatniki filosofskoi mysli* [Logic and philosophy of mathematics. Monuments of philosophical thought]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 504 p.
5. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
6. Starostin G. S. *K istokam yazykovogo raznoobraziya. Desyat' besed o sravnitel'no-istoricheskom yazykoznanii* [To the origins of linguistic diversity. Ten conversations about the comparative-historical linguistics]. Moscow, Delo Publ., 2015. 584 p.
7. Engel F. *Grassmanns Leben. Nebst einem Verzeichnisse der von Grassmann veröffentlichten Schriften und einer Übersicht des handschriftlichen Nachlasses*. Stettin, Saunier Publ., 1911. 274 s.
8. Lehman W. P. *A Reader in nineteenth-century historical Indo-European Linguistics*. London, Indiana University Press Publ., 1967. 480 p.
9. Winckelmann J. J. *Briefe*. Berlin, Diepolder & Rehm Publ., 1954. 520 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Базылев Владимир Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории немецкого языка Института иностранных языков имени Мориса Тореза Московского государственного лингвистического университета;

e-mail: v-bazylev@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Bazylev – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of History of German at The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University;

e-mail: v-bazylev@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Базылев В. Н. Личность в истории науки: Герман Гюнтер Грассман (завет Н. А. Кондрашова: продолжать историографические исследования) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 44–49.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-44-49

FOR CITATION

Bazylev V. N. Personality in the history of science: Hermann Günther Grassmann (N. A. Kondrashov's testament – to continue historiographical research). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp. 44–49.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-44-49